

РОССИЙСКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ МЕНЬШИНСТВА ТУРКМЕНИСТАНА (1881—1917 гг.)

В. Е. ГРИГОРЯНЦ

В последней четверти XIX в. под влиянием англо-русских противоречий и интересов развивающейся российской буржуазии царское самодержавие приступило к реализации заключительного этапа присоединения Средней Азии — завоеванию Туркмении. «Необходимость обеспечить безопасность и благоустройство среднеазиатских окраин России и открыть для русской торговли новые пути в Средней Азии, — говорилось в преамбуле к тексту переговоров 1872—1885 гг. между Россией и Великобританией, — побуждает императорское правительство заботиться об упорядочении своего влияния на востоке от Каспийского моря».¹

После основания экспедицией Столетова в 1869 г. Красноводска, ряда рекогносцировок и неудачных попыток продвинуться в глубь Закаспия командование русской армией было передано генералу Скобелеву, который штурмом взял в 1881 г. главный оплот туркмен — крепость Геок-Тепе и захватил весь Ахал-Текинский оазис. В 1884 г. во вновь образованную Закаспийскую область добровольно вошли туркмены Мерва. В 1890 г. область была выделена из состава Кавказского военного округа и подчинена непосредственно Военному министерству. Согласно новому административному устройству, она была разделена на 5 уездов: Красноводский, Мангишлакский, Асхабадский, Мервский и Тадженский. Указом царя от 26 декабря 1897 г. Закаспийская область была включена в состав Туркестанского генерал-губернаторства и стала одной из 5 областей «Русского Туркестана».²

Вопреки утверждениям официальной советской историографии последних десятилетий присоединение Туркмении происходило не путем «добровольного вхождения в состав России», а на основе завоевания. С другой стороны, дореволюционные военные историки, исходя очевидно из внешнеполитических соображений, придали малозначительному с военной точки зрения инциденту — взятию крепости Геок-Тепе неоправданно большое значение, изображая завоевание Туркмении как результат большой и трудной войны.³ Между тем, ясно, что разобщенные и отсталые туркменские племена не могли оказать сколько-нибудь серьезного сопротивления регулярной русской армии и судьба туркмен была предрешена уже тем, что они проживали на территории, служившей естественным соединительным звеном в цепи колониальных захватов России на Кавказе и Средней Азии.

¹ Афганское разграничение. Переговоры между Россией и Великобританией. 1872—1885, СПб, 1886, с. 10.

² История Туркменской ССР, т. I. Ашхабад, 1955, с. 577—578; Туркменская ССР, Ашхабад, 1984, с. 100—102.

³ См. напр., Н. К. Гродеков, Война в Туркмении, т. I—IV, СПб., 1883—1884; А. Н. Куропяткин, Завоевание Туркмении, СПб., 1889.

Включение Туркмении в состав империи сделало ее еще одним объектом российской колонизации в Средней Азии. Уже сами методы присоединения создавали предпосылки для введения здесь колониального режима. Установление военно-административного порядка управления воспринималось коренным населением как естественный результат насильственного покорения края русскими. Вместе с тем, российская колонизация Закаспия (как и Средней Азии в целом) принципиально отличалась от английской колонизации, например, в Северной Америке или Австралии, направленной преимущественно на уничтожение коренного населения. Россия, имевшая после завоевания Туркмении почти полный «набор» предпосылок для проведения прямого геноцида (пустыня, крайне низкий культурно-исторический уровень развития туркменских племен, их разобщенность и вражда между собой и с сопредельными народами, сравнительно небольшое население при относительно большой территории, полукочевой образ жизни и т. д.), предпочла иной, цивилизованный путь колонизации.

До завоевания Туркмении здесь проживало около 200 тысяч туркмен и киргизов. Общественный строй туркменских племен, их чрезвычайная агрессивность, постоянные грабительские набеги на сопредельные государства делали совершенно невозможным проникновение в Закаспий даже единичных представителей христианских народов. Известный путешественник и ученый, венгр Арминий Вамбери, рискнувший под видом мусульманина посетить Туркмению в середине XIX в., оставил красочное описание этой дикой по европейским представлениям страны. «Тысячи рабов персов уводились текинцами и продавались в Хиву и Бухару или служили в Ахале для черных работ», — свидетельствует источник.⁴

Одной из важнейших задач российской колонизации Средней Азии было создание компактно и постоянно проживающего здесь русского и иного русскоязычного населения российского подданства, опираясь на которое местная администрация могла бы насаждать и совершенствовать колониальный режим. После завоевания Туркмении из внутренних губерний России, Закавказья и сопредельной Персии устремились в область переселенцы. Царские власти не препятствовали этому процессу, следя лишь за тем, чтобы в общей массе переселенцев преобладала доля русских. Привлечение русского населения в область было одной из главных забот военной администрации края. Источники подчеркивают, что это было задачей весьма трудной, как в силу климатических условий, так и в связи с «трудностями конкуренции для русских коммерсантов с армянами и персами, знакомыми с местным языком и прочими условиями края».⁵

Установление твердой централизованной власти, проведение железной дороги, переселение значительных масс пришлого населения, развитие внутреннего рынка, купеческого и торгово-промышленного капитала, промыслов и трудовых профессий явились основой возникновения и быстрого развития в Закаспии городских поселений европейского типа, ставших настоящими эпицентрами распространения капиталистической экономики и русифицированной европейской культуры. Возникновение их было всецело связано с обоснованием здесь пришлого насе-

⁴ А. Вамбери, Путешествие по Средней Азии, СПб., 1865; Обзор войны России от Петра Великого до наших дней, кн. 2, СПб., 1889, с. 550.

⁵ Обзор Закаспийской области (далее ОЗО) за 1890—1896 гг., Асхабад. 1897, с. 32.

ления. Академик В. Бартольд, отмечая выдающееся для Туркмении значение ее присоединения к России, подчеркивал, что «все города, существовавшие здесь в древности и в средние века, задолго до русского завоевания были обращены в развалины, вместо них были только аулы кочевников — туркмен; существующие теперь города Асхабад, Мерв и Кизыл-Арват возникли уже при русских».⁶

Городские поселения возникали на месте расположения русских войск, узловых железнодорожных станций, в пунктах, имевших важное стратегическое или внешнеторговое значение. В первые, наиболее трудные годы, городское население области составили преимущественно русские, армяне и персы. В последующем здесь обособилось на постоянное жительство немало кавказских татар, украинцев, поляков, немцев, бухарских и европейских евреев, хивинцев и афганцев.

Наиболее крупным национальным меньшинством Закаспия были русские. Подавляющая часть их проживала в крупных городах области, однако в результате специальной переселенческой политики самодержавия вдоль границы с Ираном были созданы русские земельские поселения молокан, баптистов и российских немцев, самовольно переселившихся из Саратовской губернии. Вторую по величине этническую группу пришлого населения составили персы — выходцы из Ирана. Большая часть их также проживала в городах, но и в сельской местности встречались довольно значительные группы персов, белуджей, курдов, афганцев и других ираноязычных народов. Армяне, как и вообще кавказские выходцы, селились исключительно в городах. Коренное туркменское и киргизское население проживало в сельской местности и во вновь образованных городах селилось неохотно.

В силу этнической, религиозной, культурной, языковой, бытовой и прочей близости восточные выходцы тяготели к коренному, а европейские — к русскому населению. Вместе с тем, местная администрация с успехом использовала глубоко адаптированных в русскую культурную традицию представителей тюркоязычных народов российского подданства — татар, казахов и других, а также армян — народа христианского, но имеющего многовековой опыт совместной жизни в среде восточных народов, хорошо знающего их языки, быт, нравы и обычаи, — в качестве посредников между европейским и азиатским населением.

К 1900 г. в области проживало уже 49263 человека пришлого населения, из которых насчитывалось 22842 русских, 9046 персов, 6136 армян, 3911 кавказских татар и лезгин, 885 немцев, 778 поляков, 757 евреев, 682 туркмена, 465 хивинцев, 247 грузин и около 3,5 тысяч человек других национальностей. Чрезвычайное смешение разных народов, языков, культур и религий было особенностью городских поселений Закаспия. Так, к началу XX в. население Асхабада — административного центра Закаспийской области состояло из 8079 русских, 6020 персов, 3399 армян, кавказских и прочих татар, 536 поляков, 403 евреев, 320 немцев, 303 туркмен, 249 хивинцев, 148 бухарцев, 100 грузин, 33 греков, 13 французев.⁷

Первоначально пришлое население отличалось весьма высокой подвижностью, однако, со временем, большая часть его уже оконча-

⁶ В. В. Бартольд, История изучения Востока в Европе и России (Соч., т. IX, М., 1977, с. 50).

⁷ ОЗО за 1882—1890 гг., Асхабад, 1897, табл. 12, 13, 14; ОЗО за 1890—1896 гг., с. 29; ОЗО за 1900 г., Асхабад, 1902, с. 12—13.

тельно осела в области на постоянное жительство, обзавелась собственными домами. Так, из 2144 частных зданий, отмеченных в Асхабаде в 1900 г., принадлежало русским—793, персам—704, армянам—431, кавказским татарам—183, немцам—8, евреям—5, полякам—4. В Кызыл-Арвате из 471 частного здания 251 принадлежало русским, 96 армянам, 78 персам, 10 немцам, 10 полякам и 2 кавказским татарам. Примерно так же распределялись владельцы частных зданий в Мерве и Красноводске.⁸

Определенный спад в росте численности пришлого населения наблюдается в 1892 г., когда область оказалась пораженной эпидемией холеры и в 1904—1906 гг., во время русско-японской войны и первой русской революции, но в последующие годы быстрый рост пришлого населения продолжается. К 1912 г. общая численность населения Закаспия достигла 482011 человек. Из них коренного населения (туркмен и киргизов) насчитывалось 365972 чел. и пришлого 116039 чел. При этом, средний рост пришлого населения за год примерно в 3—4 раза превосходил темпы роста коренного. К этому времени туркмены составляли в общей численности населения Закаспия 60,2%, киргизы—15,8%, русские—10,12%, персы—6,4%, армяне—2,4%, кавказские татары—1,7%, афганцы—0,6%, поляки—0,5%, немцы—0,3%, прочие—2%.⁹

Царское правительство не скрывало целей своей колониальной политики в Туркестане. Даже в публичной печати можно было встретить немало откровенных высказываний. «Если мы хотим действительно прикрепить к себе надолго этот край и сделать его вполне русским,—говорилось в статье «К вопросу о колонизации Туркестана», напечатанной в местной газете,—необходимо теперь же, пока еще слабо сознание племенной солидарности и сильна рознь в народностях, населяющих Туркестан, связанных только религией, влить в ослабленный политически и культурно организм могучие славянские силы и теперь же экономически и культурно, материально и духовно стать господствующей расой в стране».¹⁰

Национальная политика российской колониальной администрации безусловно учитывала национально-исторические, языковые, религиозные, социально-экономические и культурные особенности, а также характер взаимоотношений с русской нацией и коренными народами, отличавшие различные этнические группы населения. В целом, национальные меньшинства поддерживались администрацией в той мере, в какой их деятельность и роль в процессе колонизации соответствовали имперским интересам России в этом регионе.

В наиболее привилегированном положении находилось, конечно, прежде всего русское и иное русскоязычное европейское население. Определенными возможностями политического, социально-экономического и культурного характера пользовались все российскоподданные христианского вероисповедания. Мусульмане—подданные России, в отличие от иностранноподданных, также имели известные преимущества, но они не допускались к несению действительной военной службы, ограничивалось их участие в государственных структурах власти, владении недвижимостью, торговле и предпринимательстве. Очевидной дискриминации подвергалось еврейское население. Наиболее ущемленной

⁸ ОЗО за 1900 г., с. 122—129.

⁹ ОЗО за 1911 г., приложение 1, Асхабад, 1915.

¹⁰ Асхабад, 3. VII. 1903.

в правах группой населения были иностранные подданные. Выданный им «вид на жительство» в любое время мог быть отобран администрацией, а сами переселенцы в принудительном порядке депортированы за пределы империи. Большую часть иностранноподданных составляли выходцы из Персии, Афганистана и других сопредельных стран. К европейцам иностранноподданным царские власти относились недоверчиво, видя в них конкурентов русской буржуазии и неохотно разрешали им посещение Средней Азии. После начала первой мировой войны подданные Германии, Австро-Венгрии, Турции и Румынии были интернированы.¹¹

Особую роль в реализации российских интересов, согласно многочисленным признаниям администрации и свидетельствам других источников, играло армянское население. Благодаря своему трудолюбию, предприимчивости, знанию русского, персидского и тюркского языков, нравов и обычаев восточных и европейских народов, оно выступало после завоевания края проводником политики России как в процессе колонизации Закаспия, так и в борьбе за торговое господство на рынках Персии и Афганистана.¹²

В то же время, царские власти были весьма обеспокоены монопольным положением армянской буржуазии в экономике края и общей, по их мнению, склонностью армянского населения к революционным настроениям. Поэтому они стремились всемерно ограничить духовную связь местных армян с Закавказьем, препятствовали возникновению национально-патриотических организаций, подвергали преследованиям армянскую церковь и школу, устраняли армян от службы в государственных учреждениях. Впрочем, таким же безнравственно прагматическим было отношение царской администрации и к другим нерусским национальным меньшинствам.

Необходимость управления значительными массами русской, армянской, персидской и других национальностей, разобщенных между собой культурно-историческими, языковыми, национальными, религиозными и прочими различиями, заставила администрацию области разрешить образование «национальных обществ», ставших центрами координации национальной жизни пришлого населения Закаспия. Уже к концу XIX в. практически во всех городских поселениях активно действовали русские, армянские, персидские, еврейские, польские, немецкие, бухарские, татарские, афганские и другие европейские и азиатские национальные общины. Представители от этих общин привлекались властями для содействия в ведении городского хозяйства, развитии межнациональных отношений, образования, просвещения и медицинской помощи, ограничении преступности, благотворительной деятельности.¹³

В утверждении цивилизованных норм жизни немалое значение имела конфессиональная политика самодержавия. Исходя из классовых интересов, администрация терпела существование всех религий, естественно, отдавая предпочтение прежде всего православной церкви,

¹¹ А. М. Матвеев, Участие зарубежных выходцев в экономической и социально-политической жизни дореволюционного и Советского Туркестана (1914—1920) (авторсф. докт. дисс., Ташкент, 1975, с. 24—25).

¹² Подробно об этом см. в публикациях автора. (ЗУУЗ ҶИ «Диррифт», 1977, № 2; 1978, № 6; 1979, № 5; 1982, № 8).

¹³ Центральный государственный архив Туркменской ССР / далее ЦГА ТССР, / ф. И-1, оп. 2, д. 254, л. 253—254; д. 3979, л. 115; Асхабад, 31. I. 1906; 5. XII. 1906.

которая пользовалась мощной государственной поддержкой, что весьма способствовало утверждению в мусульманской среде атмосферы терпимости по отношению к другим вероисповеданиям. К началу XX в. в Закаспии, помимо множества православных церквей, функционировали армянские церкви, польский костел, немецкая кирха, беханстские и еврейские молитвенные дома, шиитские и суннитские мечети.¹⁴

Быстрое развитие в области русских учебных заведений сопровождалось постоянным ростом численности учащихся нерусских национальностей, прежде всего армян, а также поляков, евреев, кавказских татар и персов, отражая интенсивно нарастающий в городах процесс русификации и развития межнациональных связей. Одновременно, уже к началу XX в., во всех крупных городах Закаспия армяне, персы, евреи и некоторые другие нацменьшинства создали свои собственные национальные религиозные и светские школы и училища.¹⁵

В развитии общего процесса интернационализации общественной жизни важную роль играли различного рода профессиональные, экономические, культурно-просветительные, благотворительные и иные общественные организации, в создании и деятельности которых принимали активное участие все основные этнические группы пришлого населения Закаспия.¹⁶

В относительно короткий срок в Туркестане было внедрено хлопководство и создана уникальная сырьевая база для российской текстильной промышленности, освободившая российский бюджет от дорогого американского хлопка. Быстро развивались хлопкоочистительная промышленность, разработка природных ресурсов, земледелие и животноводство, промыслы и ремесла. Широкое распространение получил капиталистический кредит. Образовался крупный среднеазиатский рынок. В городских центрах Туркестана появились влиятельные слои русской, армянской, еврейской, татарской, персидской и прочей купеческой и торгово-промышленной буржуазии. Быстро росли и благоустривались города. Введенный в дело производство государственный русский язык все более утверждался в качестве средства межнационального общения среди городского населения. Русифицированная еврейская культура постепенно проникала и в мусульманскую среду.

Особые успехи были достигнуты во взаимоотношениях с сопредельными странами. Торговая война, развернувшаяся между Великобританией и Россией после соглашения 1907 г. о разграничении сфер влияния в Иране, была практически выиграна последней. Российские товары, благодаря усилиям предприимчивых агентов—армян русского подданства, не только проникли в Северный Иран, но и вытеснили из Хоросана английский текстиль и ряд других традиционных товаров. Торговое влияние России укрепилось даже в Афганистане, связи с которым еще в конце XIX в. были совершенно невозможны из-за давления Англии на афганское правительство и непрекращающихся грабежей торговых караванов.

¹⁴ ЦГА ТССР, ф. Р-420, оп. 2, д. 2, л. 15—15об., ОЗО за 1907 г., Асхабад, 1909, табл. 27, с. 85.

¹⁵ Там же, ф. И-1, оп. 2, д. 7124, л. 25—26; д. 7150, л. 1—4; д. 7239, л. 261—272; д. 7478, л. 72; д. 7487, л. 77—79.

¹⁶ Там же, д. 5239, л. 11; д. 7433, л. 9—10; д. 7487, л. 57, 179, 185; д. 7422, л. 14; д. 7442, л. 2—7; д. 7444, л. 5, 11; д. 7478, л. 2, 164; д. 7151, л. 20, 38, 145; д. 7154, л. 1, 9; д. 7121, л. 10—14; д. 7482, л. 142—143; д. 7326, л. 1—9; д. 7337, л. 1—11; д. 7445, л. 5—7, 35—37; д. 6330, л. 60, 70—71; д. 7452, л. 23, 31, 41, 48; д. 7492, л. 13, 20, 23—24; д. 7491, л. 86—88, 103—107.

В общий процесс реконструкции края постепенно втягивалось и коренное население. К началу первой мировой войны из его среды уже выделились первые представители торгово-предпринимательской буржуазии и интеллигенции, возникли реальные предпосылки для трансформации родственных племен и народностей в нацию. Несмотря на известные перегибы в национальной, экономической и культурной политике, российская колониальная администрация уже несколько десятилетий обеспечивала в этом крайне сложном в этническом и конфессиональном отношении регионе национальный и религиозный мир. Понятие «Русский Туркестан» все более утверждалось в качестве стереотипа в сознании всех проживающих здесь народов.

Присоединение Средней Азии поставило перед российским самодержавием и ряд крупных проблем. Ослепленное несомненными геополитическими выгодами, оно явно недооценивало огромную потенциальную опасность будущей неизбежной панэтнической консолидации многомиллионных масс тюрко-татарских народов России, Кавказа, Туркестана и Сибири, оказавшихся теперь в пределах единого государственного организма. По мнению царских властей, более реальной была угроза религиозной консолидации всех российских мусульман на основе панисламизма.

Между тем, уже в 70-х годах XIX в. в России, среди крымских и волжских татар, под лозунгами национально-культурного возрождения и защиты ислама от православия, возникло тюрко-татарское националистическое движение. Первоначально панисламистский характер этого движения очень скоро был преодолен и главной его целью стала реализация откровенно антирусской идеи государственного объединения всех тюрко-татарских народов — пантуранизм. Уже в конце XIX в. активно пропагандировали идеи пантуранизма в тюркоязычных регионах империи Исмаил Гаспринский, Ахмед Агаев, Юсуф Акчура, Гусейн Али Заде и другие видные тюрко-татарские националисты. Естественно, что все свои политические надежды они связывали с Турцией.

В 1903 г., с целью распространения пантуранизма в Турции, русский татарин, журналист и государственный деятель, член партии кадетов Юсуф Акчура опубликовал в каирской газете «Тюрк» свою знаменитую статью «Три политических системы», сыгравшую в развитии пантюркизма примерно такую же роль, какую сыграл «Коммунистический манифест» в распространении марксизма.¹⁷

В годы первой русской революции, охватившей в Туркестане преимущественно европейское городское население, царские власти стали открыто заигрывать с местной феодально-клерикальной реакцией, обрушив репрессии главным образом на революционные слои русского населения и некоторые национальные меньшинства российского подданства — армян, поляков, евреев. «Высшая администрация, — отмечалось в местной газете, — смотрит на армян как на сепаратистов, революционеров, мечтающих о каком-то своем царстве, тогда как мусульмане являются лучшими и вернейшими подданными российского государства».¹⁸

Вообще отношение царского самодержавия к армянскому народу отличалось глубокой противоречивостью. В той мере, в какой национальные интересы армян совпадали с имперскими амбициями России, она поддерживала и защищала их, не останавливаясь перед использованием даже такого средства, как война. Одновременно, прекрасно со-

¹⁷ Зареванд, Турция и пантуранизм, Париж, 1930 с. 37—42.

¹⁸ Асхабад, 15. III. 1906.

знавая геополитическую беззащитность Армении, окруженной исторически враждебными ей народами, царское правительство никогда не смущалось очередным предательством национальных интересов этого народа, всякий раз принося его в жертву русско-мусульманским компромиссам.

Примечательно, что патриотические демонстрации, организованные местными властями в противовес революционным выступлениям русского, армянского и прочего европейского населения в городах Закаспия, состояли преимущественно из персов. «Верноподданническая» демонстрация нанятых полицией за деньги персидских амбалов с портретами русского царя и патриотическими лозунгами в руках представляла собой весьма комичное зрелище. При первых же предупредительных выстрелах революционно настроенных солдат, побросав портреты в грязь, она позорно разбежалась.¹⁹

Глубокий кризис, охвативший российский военно-феодальный империализм после вовлечения его в первую мировую войну, сразу же вскрыл всю политическую близорукость колониальной администрации Туркестана. Восстание 1916 г. в Средней Азии и все последующее движение протеста народов Туркестана развивалось под знаком воинствующего этнорелигиозного национализма, оно было не только антиимперским и феодально-клерикальным, но и откровенно антирусским.

Антирусские настроения среди коренного населения подогревались активной германо-турецкой пропагандой. В 1915 г. в Тахтабазаре, одном из крупных пунктов транзитной торговли Закаспия с Афганистаном и Персией, была раскрыта царской охранкой при помощи местных армян группа лиц, агитировавших за необходимость священной войны мусульман против христиан и собиравших денежные пожертвования в пользу Турции. В мае 1916 г. заведующий Асхабадским розыскным пунктом секретно сообщал начальнику Закаспийской области, что в пограничных районах Афганистана турецкие и германские агенты убеждают население в необходимости войны с Россией и Великобританией, что настроение туркмен—сарыков очень неспокойно, «их часто посещают афганские солдаты и они молятся о даровании победы Турции».²⁰

Особенно неспокойной была обстановка в пограничных районах Красноводского и Тедженского уездов, где туркмены, в ответ на попытки царских властей провести наборы на тыловые работы в действующую армию, часто отвечали вооруженным сопротивлением, откочевывали в Персию и Афганистан, нападали не только на войска, но и на городские поселения с русским и иным христианским населением. Так, в октябре 1916 г. толпы туркмен атаковали уездный город Теджен и железную дорогу «с целью истребить все пришлое население и разграбить город».²¹

Успехи российского самодержавия в колонизации Туркестана были неразрывно связаны с деятельностью национальных меньшинств—русских, армян, поляков, немцев, евреев, персов, татар, других европейских и азиатских выходцев, составивших население городов и главную преобразующую силу социально-экономического и общественно-политического развития процесса колонизации Средней Азии. С дру-

¹⁹ Проникновение революционных идей и развитие революционного движения в Туркменистане в 1881—1907 гг. (Документы и материалы, Ашхабад, 1962, с. 137).

²⁰ ЦГА ТССР, ф. И—1, оп. 2, д. 6317, л. 57; д. 1600, л. 1—2об.

²¹ Там же, д. 6317, л. 214.

гой стороны, откровенно утилитарный подход колоннальной администрации к роли национальных меньшинств, шовинистические приоритеты в национальной политике, заигрывание с местной феодално-клерикальной реакцией и одновременная недооценка опасности этнорелигиозной консолидации тюркских народов на антирусской основе привели к тому, что к 1917 г. не только основная масса национальных меньшинств, но и коренного населения Туркестана открыто выступила против правительственного режима.

ՄԻՋԻՆ ԱՍԻԱՅԻ ԳԱՂՈՒԹԱՅՈՒՄԸ ԹՈՒՍԱՍՏԱՆԻ ԿՈՂՄԻՑ ԵՎ
ԹՈՒՐԿՄԵՆՍՏԱՆԻ ԱԶԳԱՅԻՆ ՓՈՔՐԱՄԱՍՆՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԸ
(1881—1917 թթ.)

Վ. Ե. ԳՐԻԳՈՐՅԱՆՑ

Ա մ փ ո փ ո մ

Ռուսական ինքնակալության հաջողությունները Թուրքմենստանի գաղութացման ասպարեզում անքակտելիորեն կապված էին ազգային փոքրամասնությունների՝ ռուսների, հայերի, լեհերի, գերմանացիների, հրեաների, պարսիկների, թաթարների և եվրոպական ու ասիական երկրներից եկածների գործունեության հետ, որոնք կազմում էին քաղաքների բնակչությունը և Միջին Ասիայի գաղութացման պրոցեսի սոցիալ-տնտեսական և հասարակական-քաղաքական զարգացման գլխավոր վերափոխիչ ուժը: Մյուս կողմից գաղութատիրական վարչության հաշվենկատ վերաբերմունքը ազգային փոքրամասնությունների նկատմամբ, ազգայնամուլ գերապատվությունը ազգալիք քաղաքականության մեջ, սիրախաղերը տեղական ավատակղերական հետադիմության հետ և միաժամանակ հակառուսական հիմքի վրա թյուրքական ժողովուրդների էթնոկրոնական համախմբման թերազնաատումը հանդիցրին այն բանին, որ 1917 թ. մոտերքին ոչ միայն ազգային փոքրամասնությունների հիմնական զանգվածը, այլև Թուրքմենստանի հիմնական ազգաբնակչությունը բացահայտորեն հանգես էր գալիս կառավարության քաղաքականության գեմ: